

I

A capite¹

Я станет ничем.
Карлес Кампс Мундо

---

¹ С головы (*лат.*). Часть выражения *a capite usque ad calcem* — «с головы до пят», иногда употребляемого в значении «от начала до конца». — *Здесь и далее примеч. перев.*

1

Только вчерашней ночью, шагая по влажным улицам Валькарки¹, я понял, что родиться в этой семье было непростительной ошибкой. Внезапно мне открылось, что я всегда был одинок, что никогда не мог рассчитывать ни на родителей, ни на Бога, чтобы переложить на их плечи ответственность за свои проблемы. С возрастом, размышляя о жизни или принимая решения, я привык опираться, словно на костыли, на смутные представления, почерпнутые из разных книг. Однако вчера — во вторник, ночью, — переживая дождь по дороге от Далмау, я пришел к выводу, что эта ноша только моя. И все успехи, равно как и ошибки, мои, и только мои. И отвечаю за них — я. Мне потребовалось шестьдесят лет, чтобы осознать это. Надеюсь, ты поймешь меня. Как поймешь и то, насколько беспомощным и одиноким я чувствовал себя и как тосковал по тебе. Несмотря на расстояние, разделяющее нас, ты всегда служишь мне примером. Хотя меня и охватила паника, я не ищу спасательный круг. Несмотря ни на что, я держусь на плаву без веры, без священников, без готовых решений, которые облегчили бы мне путь неведомо куда. Я чувствую себя старым, и Дама с косою зовет меня за собой. Вижу, как она переставляет черного слона и учтивым жестом предлага-

---

¹ *Валькарка* — район Барселоны.

ет продолжить партию. Я знаю, что у меня осталось мало пешек. Тем не менее еще не конец, и я размышляю, какой фигурой сыграть. Я один на один с листом бумаги, и это мой последний шанс.

Не слишком мне доверяй. В жанре, столь склонном ко лжи, как воспоминания, написанные для единственного читателя, я знаю, что не смогу не приврать, но буду стараться не очень присочинять. Все было именно так, и даже хуже. Я понимаю, что должен был рассказать тебе об этом давно, но это трудно, и даже теперь не знаю, с чего начать.

Все началось, по сути, больше пятисот лет тому назад, когда этот измученный человек попросился в монастырь Сан-Пере дел Бургал. Если бы он этого не сделал или если бы отец настоятель дом¹ Жузеп де Сан-Бартомеу отказался его принять, я бы не рассказывал тебе всего того, что хочу рассказать. Но нет, я не в силах перенестись так далеко. Начну гораздо ближе.

— Папа... Видишь ли, сын... папа...

Нет-нет. Не хочу и с этого начинать, нет. Лучше начну с кабинета, в котором я пишу перед твоим — таким живым — автопортретом. Кабинет — это мой мир, моя жизнь, моя вселенная; в нем собрано все... кроме любви. Когда я бегал по дому в коротких штанишках, с цыпками на руках от холода осенью и зимой, входить туда мне было запрещено, кроме особых моментов. Но я делал это тайком. Мне были знакомы все углы; в течение нескольких лет у меня там, за диваном, было тайное укрытие, которое приходилось тщательно маскировать после каждого незаконного вторжения, чтобы Лола Маленькая не нашла моих следов, подметая пол. Однако, попадая в кабинет на законных основаниях, я всегда должен был вести себя как в гостях: стоять спрятав руки за спину, пока отец показывает мне последний ману-

---

¹ *Дом* — обращение к духовному лицу, принятое в Средние века в монастырях ордена бенедиктинцев.

скрипт, который нашел в лавке старьевщика в Берлине. Посмотри-ка! И следи за руками. Я не хочу тебя ругать. Адриа, заинтригованный, склонился над страницей:

— Это ведь по-немецки? — Он невольно протянул руку.

— Эй, следи за руками! — Отец ударил его по пальцам. — Что ты говоришь?

— Ведь это по-немецки, да? — Он трет ушибленную руку.

— Да.

— Я хочу выучить немецкий.

Феликс Ардевол с гордостью смотрит на сына и говорит: весьма скоро ты сможешь начать его учить, мальчик мой.

На самом деле это не манускрипт, конечно, а просто пачка бурых листов: на первой странице старинным шрифтом напечатано *Der begrabene Leuchter. Eine Legende*¹.

— Кто такой Стефан Цвейг?

Отец, с лупой в руках, рассеянно изучает какую-то пометку на полях возле первого абзаца и, вместо того чтобы рассказать мне о писателе, бормочет: ну... один тип, покончивший с собой в Бразилии лет десять или двенадцать назад. Долгое время единственное, что я знал про Стефана Цвейга: этот субъект покончил с собой десять или двенадцать лет тому назад... потом — тринадцать, четырнадцать и пятнадцать — до тех пор, пока сам не прочитал книгу и не узнал о ее авторе.

Тем временем посещение кабинета закончено, и Адриа вышел, сопровождаемый просьбой не шуметь: дома не разрешалось ни бегать, ни кричать, ни цокать языком, поскольку отец если не изучал манускрипты с лупой в руках, то просматривал каталожные карточки с описью средневековых географических карт или размышлял, как найти новые места, где можно достать предметы,

---

¹ «Погребенный светильник. Легенда» (нем.). Новелла Стефана Цвейга.

заставлявшие его трепетать. Единственный шум, который мне позволялось издавать — в своей комнате, — извлекать звуки из скрипки, на которой учился играть. Но и тогда нельзя было проводить весь день, снова и снова повторяя арпеджио номер XXIII из *O livro dos exercicios da velocidade*¹, из-за которого я так возненавидел Трульолс, однако продолжал любить скрипку. Хотя нет, Трульолс я не ненавидел. Но она была невыносимой занудой, а уж когда речь шла об упражнении XXIII...

— Может быть, что-то другое поиграть? Для разнообразия?

— Здесь, — она тыкала в партитуру колодкой смычка, — все технически сложные моменты собраны в одном месте. Это абсолютно гениальное упражнение!

— Но я...

— В пятницу я хочу услышать безупречное исполнение упражнения двадцать три. Особое внимание — на такт двадцать седьмой.

Иногда Трульолс упряма как ослица. Но в целом она вполне терпима. А иногда даже больше чем терпима.

Бернат того же мнения. Когда я приступил к *O livro dos exercicios da velocidade*, то еще не был знаком с Бернатом. Однако в том, что касается Трульолс, мы сходимся. Она, должно быть, замечательный педагог, хотя и не вошла в историю, насколько мне известно. Кажется, нужно объяснить, что к чему, а то я все запутываю. Да, будут вещи, которые ты наверняка знаешь, особенно когда речь пойдет о тебе. Но есть и такие уголки души, которые, думаю, тебе неизвестны, потому что невозможно ведь познать человека до конца.

Магазин хотя и поражал воображение, но все-таки нравился мне меньше, чем кабинет. Возможно, потому, что когда я приходил туда — очень редко, — то не мог отделаться от чувства, что за мной следят. У магазина было одно явное преимущество: там я мог посмотреть на

---

¹ «Сборник упражнений на скорость» (*порт.*).

красавицу Сесилию, в которую был всей душой влюблен. У нее были сияющие золотые волосы, всегда тщательно уложенные, и полные ярко-алые губы. Она вечно или хлопотала над своими каталогами и прейскурантами, или подписывала ценники. Немногих клиентов, заходивших в магазин, она приветствовала улыбкой, открывавшей взгляду прекрасные зубы.

— У вас есть музыкальные инструменты?

Мужчина даже не потрудился снять шляпу. Он стоял перед Сесилией, оглядывая все вокруг: лампы, канделябры, стулья вишневого дерева с тончайшей инкрустацией, козетки начала девятнадцатого века, вазы всех размеров и эпох... Меня он не заметил.

— Не слишком много. Но если вам будет угодно пройти за мной...

«Не слишком много» — это пара скрипок и одна виола с не очень хорошим звуком, но зато со струнами из чудом сохранившихся натуральных жил. А еще — помятая труба, два великолепных флюгельгорна и горн, который в отчаянии кричал людям из соседних долин, что лес в Паневеджио горит и Пардак просит помощи у Сирора, Сан-Мартино и особенно у Велшнофена, который пострадает чуть позже; у Моэны и Сораги, до которых, возможно, уже долетел тревожный запах этой беды, разразившейся в год 1690-й от Рождества Господа нашего, когда Земля была круглой почти для всех, и если неведомые болезни, безбожные дикари, чудища морские и земные, град, бури, бурные ливни не мешали кораблям, то они, отправляясь на запад, возвращались с востока, привозя обратно моряков, чьи тела были истощены, взгляд потерян, а ночи полны кошмаров. В лето от Рождества Господа нашего 1690-е в Пардаке, Моэне, Сироре, Сан-Мартино все жители, кроме прикованных к постели, бежали, полуослепшие от дыма, посмотреть на бедствие, разрушившее их жизни — чью-то в большей степени, чью-то в меньшей. Страшный пожар, который они наблюдали, не в силах что-либо предпринять, пожирал гек-

тары прекрасного леса. Когда благословенные дожди погасили адский огонь, Иаким, четвертый — самый бойкий — сын Муреды из Пардака, тщательно обследовал весь лес в поисках мест, нетронутых пожаром, и деревьев, годных для дела. На середине спуска к оврагу Ос он присел справить нужду возле небольшой обугленной ели. Но то, что он увидел, заставило его забыть обо всем: несколько обернутых тряпками факелов из сосновых ветвей, источавших запах камфары или еще чего-то незнакомого. Очень осторожно сын Муреды из Пардака развернул тряпки, которые еще тлели, храня огонь адского пожара, уничтожившего его будущее. От увиденного его замутило: грязно-зеленая ткань, обшитая по краю желтым, не менее грязным шнуром, была не чем иным, как куском куртки Булхани Брочи, толстяка из Моэны. Найдя еще несколько обрывков той же ткани, правда сильно обгоревших, Иаким понял, что это чудовище — Булхани — выполнил свою угрозу уничтожить семейство Муреды и всю деревню Пардак вместе с ним.

— Булхани!

— Я с псами не разговариваю!

— Булхани!

Тон, которым было произнесено имя, заставил его обернуться с недовольной гримасой. Булхани из Моэны обладал внушительным брюхом, на котором — поживи он подольше да поешь получше — стало бы очень удобно складывать руки.

— Какого дьявола тебе нужно?

— Где твоя куртка?

— Тебе-то что до моей куртки?

— Что ж ты ее не надел? Ну-ка, покажи мне ее!

— Поди прочь! Ты думаешь, раз сейчас для Моэны плохие времена, мы должны плясать под твою дуду? А? — Его глаза потемнели от злобы. — И не подумаю тебе ничего показывать! Катись к чертовой матери!

Иаким, четвертый сын Муреды, ослепленный холодной яростью, вытащил короткий нож, который всегда

носил за поясом, и воткнул его в брюхо Булхани Брочи, толстяка из Моэны, словно в кленовый ствол, с которого нужно снять кору. Булхани открыл рот и выпучил глаза — скорее от удивления, чем от боли: как это какое-то ничтожество из Пардака посмело тронуть его. Когда Иаким Муредра выдернул нож, раздался отвратительный хлопающий звук. Лезвие было красно от крови. Булхани осел, будто из него выпустили воздух.

Иаким огляделся: на улице никого. Стараясь сохранять спокойный вид, он почти бегом бросился в сторону Пардака. Вот за спиной остался последний дом Моэны. Муредра заметил краем глаза, что горбунья с мельницы, держа охапку мокрого белья, смотрит на него, открыв рот... Может, она все видела. Вместо того чтобы прирезать и ее, он только прибавил шагу. Для него — лучшего знатока поющего древа, всего-то двадцати лет от роду, — жизнь только что разлетелась в куски.

Дома все поняли мгновенно и тут же послали в Сан-Мартино и Сирор людей, чтобы те в красках рассказали, как Булхани, понукаемый ненавистью и злобой, поджег лес; да только обитателям Моэны до правосудия не было дела, они желали поймать — немедленно — злодея Иакима Муреду.

— Сынок, — сказал старый Муредра, глядя еще более печально, чем обычно, — ты должен бежать отсюда.

И протянул ему мешочек, в котором лежала половина всего золота, скопленного семьей за тридцать лет работы в Паневеджио. Никто из сыновей не возразил, видя это. Глава семьи торжественно продолжил: хоть ты и лучший знаток поющей древесины и настоящий мастер, Иаким, сын сердца моего, четвертый отпрыск этого несчастного рода, твоя жизнь стоит много больше драгоценного дерева, которое мы никогда уже не сможем продавать. Только покинув эти места, ты избежишь разорения, каковое постигнет нас теперь, когда Булхани из Моэны оставил нас без леса.

— Отец, я...

— Давай беги, не мешкай! Беги через Велшнофен, потому что я уверен: в Сироре тебя будут искать. Мы пустим слух, что ты прячешься в Сироре или Тонадики. Оставаться в долине очень опасно. Ты должен бежать далеко отсюда, как можно дальше от Пардака. Беги, сынок, и да хранит тебя Господь!

— Но, отец, я не хочу уезжать. Я хочу работать в лесу.

— Леса больше нет. Что ты будешь здесь делать, дитя мое?

— Не знаю... Но если я покину долину, то умру!

— А если ты не покинешь долину сегодня же ночью, я сам тебя убью! Ты понял меня?

— Отец...

— Никому из Моэны я не позволю поднять руку на моего сына!

Иаким Муред из Пардака попрощался с отцом и поцеловал одного за другим всех братьев и сестер: Агно, Йенна, Макса с их женами; Гермеса, Йозефа, Теодора и Микура; Ильзу, Эрику с их мужьями; Катарину, Матильду, Гретхен и Беттину. Затем в полной тишине сказал: «Прощайте!» — и уже в дверях услышал голос младшей, Беттины: «Иаким!» Он обернулся и увидел, что девочка протягивает ему медальон с Пресвятой Девой Марией Пардакской — образок, который мать дала ей перед смертью. Иаким молча обвел взглядом братьев, посмотрел на отца. Тот согласно кивнул. Тогда беглец подошел к младшей сестре, взял медальон и сказал: Беттина, сестренка, я буду носить его как драгоценность до самой смерти. Он не знал тогда, что говорит истинную правду. Беттина прикоснулась к его щекам ладошками, но не плакала.

Иаким вышел из дому, ничего не видя перед собой, пробормотал короткую молитву над могилой матери и растворился в снежной ночи, чтобы переменить жизнь, историю и воспоминания.

— У вас только это есть?

— У нас магазин антиквариата, — ответила Сесилия с тем ледяным выражением лица, которое вгоняло муж-

чин в краску. И прибавила, не скрывая иронии: — Отчего бы вам не наведаться в лавку музыкальных инструментов?

Мне нравится, когда Сесилия сердится. От этого она становится еще красивее. Даже красивее, чем мама. Чем мама, какой она была тогда.

С моего места виден кабинет сеньора Беренгера. Я услышал, как Сесилия провожает разочарованного клиента, так и не снявшего шляпу. Как только звякнул колокольчик и раздалось «Всего хорошего!» Сесилии, сеньор Беренгер поднял голову и подмигнул мне:

— Адриа!

— А?

— Когда за тобой придут? — говорит он громче.

Я пожимаю плечами. Я никогда толком не знал, где и когда мне следует быть. Родители не хотели, чтобы я оставался дома один, и отводили в магазин, если оба уходили по делам. Меня это устраивало: мне нравилось проводить время, рассматривая самые невероятные предметы, прожившие жизнь, а теперь ждали случая начать новую в новом месте. Я воображал себе их в разных домах — это было увлекательное занятие.

Заканчивалось все всегда одинаково: за мной приходила Лола Маленькая. Она вечно торопилась, потому что ей нужно было готовить ужин, а потом еще мыть посуду. И я пожал плечами в ответ на вопрос сеньора Беренгера: когда за мной придут.

— Иди сюда, — сказал он, доставая лист белой бумаги. — Сядь за тот тюдоровский стол и порисуй немножко.

Мне никогда не нравилось рисовать, потому что я не умею, совсем не умею. Оттого меня всегда восхищало твое умение, оно кажется мне чудесным. Сеньор Беренгер говорил мне «порисуй немножко», поскольку ему жаль было видеть, как я бездельничаю, хотя это было не так. Я не бездельничал, я — размышлял. Но с сеньором Беренгером спорить бесполезно. Так что, сидя за тюдоровским столом, я соображал, как бы сделать так, чтобы он оставил меня в покое. Вынул Черного Орла из карма-

на и попробовал нарисовать его. Бедняга Черный Орел, если б он увидел свой портрет... Кстати, Черный Орел все еще не нашел времени познакомиться с шерифом Карсоном, так как я только сегодня утром выменял его у Рамона Колля на губную гармошку Вейса. Если отец узнает об этом, он точно меня убьет.

Сеньор Беренгер не был похож на других; от его смеха мне становилось немного не по себе, а еще он обращался с Сесилией так, словно она никчемная служанка, и этого я ему так и не простил. Однако этот человек много знал о моем отце, который для меня был великой тайной.

2

«Санта-Мария» прибыла в Остию туманным утром второго четверга сентября. Плавание из Барселоны было значительно хуже, чем любое из путешествий Энея, предпринятых им в поисках своей судьбы и вечной славы. На борту «Санта-Марии» Нептун ему не благоволил: то и дело приходилось свешиваться над водой и кормить рыб, так что к концу путешествия цвет лица у него изменился с яркого и здорового, какой присущ крестьянам из долины Плана, на бледный, словно у загробного видения.

Монсеньор Жузеп Торрас-и-Бажес лично принял решение, что, учитывая превосходные качества этого семинариста — ум, старательность в учебе, благочестие, душевную чистоту и искреннюю веру, которыми, несмотря на юный еще возраст, обладает этот семинарист, — сей прекрасный цветок нуждается в более пышном цветнике, чем скромный огород семинарии в Вике, где он завянет и понапрасну растратит те сокровенные дары, которыми наделил его Господь.

— Но я не хочу ехать в Рим, монсеньор! Я хочу посвятить себя учебе...

— Именно по этой причине я и отправляю тебя в Рим, возлюбленный сын мой. Я хорошо знаю нашу семинарию и то, что такой ум, как твой, лишь понапрасну тратит здесь время.

— Но монсеньор...

— Господь создал тебя для высоких свершений. Твои преподаватели просто требуют от меня такого решения, — сказал он, несколько театральным жестом поднимая вверх бумагу, которую держал в руке.

«Рожденный в усадьбе Жес близ города Тона, сын достойных Андреу и Розалии; уже в возрасте шести лет обнаружил стремление к церковному служению и начал посещать вводный курс латыни под руководством моссена¹ Жасинта Гарригоса. Был столь успешен в учении, что, осваивая курс риторики, написал сочинение *Oratio Latina*² и был допущен к его защите, чем — как знает монсеньор по собственному опыту, ибо мы имели честь учить Вас в этих стенах, — учителя поощряют лишь наиболее достойных учеников, добившихся значительных успехов в изучении сего наипрекраснейшего языка. Сие событие произошло, когда юноше исполнилось только одиннадцать лет, что свидетельствует о его исключительном развитии. Таким образом, все получили возможность услышать блестящую ораторскую речь Феликса Ардевола, произнесенную на языке Вергилия в присутствии весьма впечатленной публики, равно как его родителей и брата. Дабы почтенная аудитория могла как следует видеть и слышать маленького оратора, ему пришлось встать на специальную подставку. Так Феликс Ардевол-и-Гитерес начал свое триумфальное восхождение в области философии, теологии, математики, чтобы сравняться с такими просветленными учениками этой семинарии, как отцы Жауме Балмес-и-Урпия, Антони Мария Кларет-и-Клара, Жасинт Вердагер-и-

---

¹ *Моссен* — обращение к священнику, принятое у каталонцев.

² «Латинское красноречие» (*лат.*).

Сантало, Жауме Коллеу-и-Бансельс¹, профессор Андреу Дуран и Вы сами, Ваше преосвященство, коего мы удостоились в качестве епископа нашего возлюбленного диоцеза. Мы желали бы выразить благодарность всем славным предшественникам. Ибо сказал Господь наш: „*Laudemus viros gloriosos et parentes nostros in generatione sua*“ (Ецcli., 44, 1)². Суммируя все вышеизложенное, мы от всей души просим Вас направить в Папский Григорианский университет студента Феликса Ардевола-и-Гитереса, дабы он там изучал теологию».

— У тебя нет выбора, сын мой!

Феликс Ардевол не осмелился признаться, что ненавидит корабли, поскольку родился и всегда жил на твердой земле, очень далеко от моря. И теперь, из-за того что он не смог быть откровенным с епископом, ему пришлось предпринять это невыносимое путешествие. На задворках порта Остии, заваленных какими-то полусгнившими ящиками и кишашщими крысами, он исторг из себя свою беспомощность и почти все воспоминания о прошлом. А за следующие несколько минут — пока пытался разогнуться и восстановить дыхание, пока отирал рот платком — он решительно облекся в сутану странствий и обратил взор к открывавшимся перед ним блестящим перспективам. Подобно Энею, когда тот прибыл в Рим.

— Это лучшая комната в общежитии.

Феликс Ардевол остановился и обернулся, удивленный. В дверном проеме, с приветливой улыбкой, стоял невысокий полный студент, истекающий потом в шерстяном доминиканском хабите.

— Феликс Морлен, из Льежа, — представился незнакомец, делая шаг вперед.

---

¹ Известные каталонские философы и теологи XIX в., деятели т. н. Каталонского Возрождения.

² «Теперь восхваляем славных мужей и отцов нашего рода» (лат.). Цит. по Вульгате.

— Феликс Ардевол. Из Вика.

— А, тезка! — воскликнул тот, смеясь и протягивая руку.

С этого дня они сдружились. Морлен по секрету рассказал, что эта комната — самая желанная в общежитии, и спросил, кто составил ему протекцию. Ардевол ответил, что никто, просто толстый плешивый комендант посмотрел в свои бумаги и сказал: Ардевол? *Cinquanta-quattro*¹ — и не глядя сунул ему в руки ключ. Морлен не поверил, но с готовностью рассмеялся.

В ту же неделю, до начала учебы, Морлен представил его восьми или девяти студентам второго курса — тем, кого знал сам, и порекомендовал не тратить понапрасну времени на общение с теми, кто учится не в Григорианском университете и не в Библейском институте, подсказал способ, как незаметно проскользнуть мимо привратника-цербера, посоветовал приобрести какую-нибудь мирскую одежду на случай отлучки в город, показал новичкам-первокурсникам, как быстрее всего дойти от общежития до других зданий Папского Григорианского университета. По-итальянски он говорил с французским акцентом, но это не мешало. А еще Морлен прочел лекцию, как важно держаться подальше от иезуитов из Григорианского университета, потому что, коли не побережешься, они тебе мозг взорвут. Вот так — бабах!

Накануне начала занятий всех студентов — и новых, и старых, приехавших из тысячи разных мест, — собрали в огромном актовом зале палатцо Габриэлли-Боромео, и отец декан Папского Григорианского университета (он же — Римская коллегия) Даниэль д'Анжело, S. J.², на безупречной латыни сообщил: вы должны ощущать то великое счастье, то великое преимущество, которые обретае, получив возможность учиться на од-

---

¹ Пятьдесят четыре (*ит.*).

² S. J. (*ит.* Societatis Jesu) — мужской монашеский орден Римско-католической церкви. Был основан святым Игнатием Лойолой и одобрен папой Павлом III в 1540 г.

ном из факультетов Папского Григорианского университета и т. д. и т. д. и т. д. Здесь мы имеем честь собирать блестящих студентов, среди коих было немало Святых Отцов, последним из которых является достойнейший папа Лев XIII¹. Мы от вас не требуем ничего, кроме прилежания, прилежания и прилежания. Сюда приходят, чтобы учиться, учиться, учиться и приобщаться к знаниям под руководством лучших профессоров в области теологии, канонического права, духовности, истории Церкви и т. д. и т. д. и т. д.

— Отец д'Анжело известен как д'Анжело-анжело-анжело, — шепнул ему на ухо Морлен с очень серьезным видом.

Закончив учебу, вы разъедетесь по всему миру, вернетесь в свои страны, в родные семинарии, в школы родных орденов. Те из вас, кто еще не рукоположен, обретут священнический сан и смогут собрать достойную жатву с того, что вам только еще предстоит познать в этих стенах. И т. д. и т. д. и т. д. Еще минут пятнадцать столь же полезных в каждодневной жизни рассуждений (увы, не таких полезных, как советы Морлена). Феликс Ардевол думал, что могло быть и гораздо хуже, ибо латинские речи в Вике бывали зачастую значительно более тоскливыми, чем этот набор простых и вполне осмысленных наставлений.

Первые месяцы учебы — до Рождества — прошли без потрясений. Феликс Ардевол восхищался просветленной мудростью отца Фалубы — иезуита, наполовину словака, наполовину венгра, великолепного знатока библеистики; педантичной сухостью рассуждений сурового в общении со студентами отца Пьера Блана, рассказывавшего им об Откровении Божьем и о передаче его Церкви, который, хоть и был тоже родом из Льежа, поставил на экзамене Морлену «неудовлетворительно»,

---

¹ *Лев XIII* (1810–1903) — римский папа с 1878 по 1903 г. Среди выпускников Григорианского университета — 20 святых, 29 блаженных и 14 римских пап.

когда тот отвечал ему введение в мариологию¹. Ардевол сблизился с Драго Градником, своим соседом по парте на занятиях. Это был словенец из Люблянской семинарии, огромного роста, с красным лицом и мощной, как у быка, шеей на которой, казалось, вот-вот лопнет белый воротничок. Говорили они мало, несмотря на то что латынь оба знали хорошо. Оба были застенчивы и стремились направить всю энергию на занятия. Пока Морлен жаловался на учебу и старательно обзаводился разными знакомыми и приятелями, Ардевол, запершись в келье номер пятьдесят четыре — лучшей в общежитии, — читал на демотическом египетском², коптском, греческом или арамейском папирусы и прочие библейские рукописи, которые приносил ему отец Фалуба, обучая студентов искусству любви к вещам. Манускрипт, изъеденный временем, бесполезен для науки, говорил он. Если берешься реставрировать, то уж нужно отреставрировать, чего бы это ни стоило. У реставратора роль не меньше, чем у ученого, который будет потом толковать документ. Он никогда не вставлял «и т. д. и т. д. и т. д.», потому что всегда знал, о чем говорит.

— Идиотизм, — вынес приговор Морлен, выслушав его. — Эти типы счастливы, только если на столе перед ними лежат древние бумажки, изъеденные мышами.

— Счастливы, как и я.

— Да кому нужны эти мертвые языки? — спросил Морлен на изысканной латыни.

— Отец Фалуба говорил нам, что люди живут не в стране, а в языке. И что, оживляя мертвые языки...

— Sciocchezze!³ Глупости! Единственный мертвый язык, который еще жив, — это латынь.

Они шли по виа ди Сант-Игназио. Ардевол, защищенный от мира своей сутаной, Морлен — хабитом.

---

¹ *Мариология* — раздел теологии, касающийся Девы Марии.

² *Демотический язык* — одна из форм египетского письма, применявшаяся для записи текстов с VII в. до н. э. до V в. н. э.

³ Ерунда! (*ит.*)

Впервые Ардевол посмотрел на друга с удивлением. Он остановился и озадаченно спросил, во что же тот верит? Морлен тоже остановился и ответил, что решил стать монахом-доминиканцем, руководствуясь огромным желанием помогать другим и служить Церкви. И ничто не отвратит его с этого пути. Однако служить Церкви для него значит заниматься реальным делом, а не корпеть над истлевшими бумажками, значит влиять на людей и через них — на жизнь... Он перевел дух и добавил: ну и т. д. и т. д. и т. д. Оба друга расхохотались. В этот момент Каролина первый раз прошла около них, но ни тот ни другой не обратили на нее никакого внимания.

Когда я возвращался домой с Лолой Маленькой, то должен был упражняться на скрипке, пока она готовила ужин. Квартира была погружена в темноту. Мне это не нравилось, потому что во тьме за любой дверью мог притаиться злодей. Поэтому я всегда носил в кармане Черного Орла, ведь в доме — по давнишнему решению отца — не было ни образков святых, ни освященных предметов, ни молитвенников. А бедняга Адриа Ардевол отчаянно нуждался в незримой защите. Однажды вместо того, чтобы разучивать упражнения на скрипке, я застыл в столовой, наблюдая, как на картине над буфетом солнце прячется за вершины Треспуя, освещая волшебным светом монастырь Санта-Мария де Жерри. Этот магический свет неизменно завораживал меня и рождал в голове фантастические истории... Я не слышал, как хлопнула входная дверь. Голос отца громыхнул у меня за спиной, испугав до полусмерти:

— Та-а-ак... Позволь узнать, с какой стати ты тут прохлаждаешься? Тебе разве нечем заняться? У тебя нет домашнего задания по скрипке? Ты уже все сделал?

И Адриа идет в свою комнату. Сердце все еще бултычется в грудной клетке и испуганно делает тук-тук-тук. Я не завидовал детям, которых родители обнимают и целуют, — думал, что такого не бывает.

— Карсон, позволь представить тебе: Черный Орел из славного племени арапахо¹.

— Привет!

— Хау!

Черный Орел целует шерифа Карсона (то, чего никогда не делает отец), и Адриа ставит их обоих, вместе с лошадьми, на ночной столик, чтобы они получше познакомились.

— Я вижу, тебя что-то мучает.

— После трех лет изучения теологии, — задумчиво говорит Ардевол, — я все никак не могу понять, что тебя на самом деле интересует? Доктрина милости Божьей?

— Ты не ответил на мой вопрос, — напомнил Морлен.

— Это был не вопрос. Или надежность доктрины Откровения Божьего?

Морлен молчал, и Феликс Ардевол продолжал настаивать:

— Зачем ты учишься в Григорианском университете, если теология тебя не?..

Они отстали от остальных студентов, вихрем несшихся от учебного корпуса к общежитию. За два года христологии и сотериологии², первой и второй части курса метафизики, Божественного Откровения и диатриб самых требовательных наставников — особенно Левински, преподававшего Божественное Откровение и полагавшего, что Феликс Ардевол не оправдывает возложенных на него надежд, — за два эти года Рим не слишком изменился. Несмотря на то что Европа билась в военных конвульсиях, город не стал кровоточащей раной, скорее — просто выглядел теперь беднее. Тем временем студенты Папского университета переживали свои собственные драмы и конфликты. Почти все. И разрешали их с мудростью и достоинством. Почти все.

---

¹ *Арапахо* — индейский народ, живущий в штатах Оклахома и Вайоминг.

² *Сотериология* — богословское учение об искуплении и спасении человека.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	A capite	7
II	De pueritia	39
III	Et in Arcadia ego	207
IV	Palimpsestus	301
V	Vita condita	517
VI	Stabat Mater	671
VII	...usque ad calcem	781
	Действующие лица	823